

Фет Афанасий Афанасьевич

Ранние годы моей жизни

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
А94

А94 **Афанасий Афанасьевич Ф.**
Ранние годы моей жизни / Фет Афанасий Афанасьевич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
560 с.

ISBN 978-5-521-28132-9

ISBN 978-5-521-28132-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловіе.

Когда то желая выдти къ читателю со своими воспомина-
ніями черезъ двери журналовъ, я началъ разсказъ со вре-
мени поступленія въ гвардію, когда по обстоятельствамъ я
вошелъ въ тѣсный кругъ писателей, представлявшій полный
расцвѣтъ литературы конца 50-хъ годовъ. Мнѣ и самому
было пріятно пересмотрѣть подкладку той блестящей одежды,
которая, выразивъ наше своеобразное нравственное богатство,
привлекла на насъ вниманіе всего образованнаго міра. Бли-
зость съ этою подкладкой я засвидѣтельствовалъ приложенными
письмами знаменитыхъ писателей. Я не ошибся въ своихъ
предположеніяхъ. Не взирая на то, что судьба, бросившая
меня, какъ нарочно, изъ блестящей умственной среды прямо въ
сельскую, переживавшую изумившую вселенную реформу, при
которой приходилось съ величайшимъ усиліемъ выплывать на
взбаламученномъ морѣ, литература сосредоточила свое вни-
маніе только на приведенныхъ мною письмахъ.

Но не такъ отнеслись къ моей задачѣ тѣ люди, для кото-
рыхъ литература лишь средство высказать свою силу. Надѣ-
юсь, что въ дѣлѣ критики литературнаго интереса едва ли
можно отыскать болѣе надежнаго судью, чѣмъ гр. Л. Н. Тол-
стой. Онъ то, когда я передъ нимъ заговорилъ по окончаніи
моихъ гвардейскихъ воспоминаній о намѣреніи начать мой
разсказъ съ дѣтства, сказалъ: „это будетъ гораздо интереснѣе

позднѣйшихъ воспоминаній, такъ какъ поведетъ въ среду мало извѣстную и неозвратно исчезнувшую“.

Сердечно радуюсь, что наконецъ удалось мнѣ перечитать раннія страницы моей жизни, передать ихъ содержаніе съ полнымъ, какъ мнѣ кажется, безпристрастіемъ. Я нигдѣ не украшаю родной среды, но считаю низостью всякую не нее клевету въ угоду кому бы то ни было. Если помимо моего желанія я пристрастенъ, то это по отношенію къ одному Государю Николаю Павловичу. Но и въ этомъ случаѣ я оста-навливаюсь на близко мнѣ извѣстномъ.

. А. Фетъ.

РАННИЕ ГОДЫ МОЕЙ ЖИЗНИ.

I

Первые проблески памяти. — Родная семья. — Наша жизнь во Мценскѣ. — Илья Аванасьевичъ. — Смерть сестры. — Процессія съ тѣломъ государя Александра I. — Новоселки. — Дѣвичья. — Дядя Петръ Неофитовичъ.

Какъ бы педагоги и фізіологи ни отнеслись къ словамъ моимъ, я буду настойчиво утверждать: первымъ впечатлѣніемъ, сохранившимся въ моей памяти, было, что кудрявый, темно-русый мужчина, въ свѣтлосинемъ халатѣ на черномъ калмыцкомъ мѣху, подбрасываетъ меня подъ потолокъ, и мнѣ было болѣе страшно, чѣмъ пріятно. Самыя черты лица этого человѣка твердо врѣзались мнѣ въ память, такъ что я узналъ его двадцать лѣтъ спустя, хотя въ теченіи всего этого времени не видалъ даже его портрета. Этотъ человѣкъ былъ родной братъ матери моей, сынъ Дармштадтскаго оберъ-кригсъ-коммисара Карла Беккера, носившій въ Россіи имя Эрнста Карловича, точно такъ же, какъ мать моя, до присоединенія къ православной церкви, носила названіе Шарлотты Карловны. Но какъ восприемникомъ ея былъ родной братъ отца моего Петръ Неофитовичъ, то мать въ православіи называлась Елизаветой Петровной. Такое свѣтлое пятно на непроницаемомъ мракѣ памяти моей въ данное время почти невѣроятно, такъ какъ мнѣ не могло быть болѣе 1½ года отъ роду. Конечно, я ничего не помню, какимъ образомъ дядя Эрнстъ прибылъ къ намъ въ Новоселки и снова уѣхалъ въ Дармштадтъ. Точно такъ же, какъ память моя до самыхъ слабыхъ сумерковъ своихъ находить лики моихъ родителей и моего

крестнаго отца, дяди Петра Неофитовича,—я не помню времени, когда бы при мнѣ не было крещеной нѣмки Елизаветы Николаевны. Равнымъ образомъ не помню нашего переѣзда во Мценскъ, въ наемный домъ съ мезониномъ, по случаю службы отца въ должности уѣзднаго предводителя дворянства. Въ этотъ періодъ ребяческая память сохранила нѣсколько совершенно ясныхъ пятенъ. Такъ я помню прелестную дѣвочку, сестру Анюту, годомъ моложе меня, и худощаваго, болѣзненнаго мальчика, брата Васю, моложе меня на два года. Сестренку свою я любилъ съ какою-то необузданностью, и когда набрасывался цѣловать ея пухленькія ручки и ножки, какъ бы перевязанныя шелковинками, кончалось тѣмъ, что жестоко кусалъ дѣвочку, и та поднимала раздирающій вопль. На крикъ вбѣгала мать и сама плакала съ отчаянія. Напрасно прибѣгала она ко всякаго рода наказаніямъ: ничто не помогало. Однажды, услыхавъ крикъ дѣвочки, мать совершенно потеряла голову и, схвативъ меня за руку, сильно ее укусила. Симпатія подѣйствовала: съ той поры я ужъ не кусалъ сестру. Ту же безграничную любовь, которую внушала мнѣ сестренка, чувствовалъ ко мнѣ братъ Вася. Образъ отца, возникшій передо мною съ ранняго дѣтства, мало измѣнился впоследствии. Круглое, съ небольшимъ широкимъ носомъ и голубыми открытыми глазами, лицо его навсегда сохранило какую-то несообщительную сдержанность. Особенный оттѣнокъ придавали этому лицу со тщательно выбритымъ подбородкомъ небольшіе съ сильною просѣдью бакенбарды и усы, коротко подстриженные. Стройная, небольшого роста, темнорусая, съ карими глазами и правильнымъ носикомъ мать видимо старалась угодить отцу. Но никогда я не видалъ ни малѣйшей къ ней ласки со стороны отца. Утромъ при встрѣчѣ и при прощаньи по поводу отѣзда онъ цѣловалъ ее въ лобъ, даже никогда не подавая ей руки. Въ первый разъ въ моей памяти я вижу отца быстро вальсирующимъ по нашей Мценской залѣ съ 4-хъ лѣтней Анютой. При этомъ волосы съ сильной просѣдью, которые онъ зачесывалъ съ затылка на обнаженный черепъ, длинными косицами свалившись съ головы, трепались у него за спиною. Такимъ остался отецъ до глубокой

старости, съ тою разницей, что все короче подстригалъ на затылкѣ скудныя сѣдины, сохраняя тѣ же стриженные усы и бакендбарды и ту же несообщительную сдержанность выраженія.

Изрѣдка признаки ласки къ намъ, дѣтямъ, выражались у него тѣмъ же сдержаннымъ образомъ. Никого не глядя по головѣ или по щекѣ, онъ сложенными косточками кулака упирался въ лобъ счастливица и сквозь зубы ворчалъ что-то вродѣ: „ну“...

Бѣдная мать, утрачивая вмѣстѣ съ здоровьемъ и энергію, все полнѣла, и хотя никогда не была чрезмерно толста, но по мѣрѣ прибавленія семейства все рѣже и рѣже покидала кровать, обратившуюся наконецъ въ мучительный одръ болѣзни.

Набравшись, какъ я впоследствии узналъ, принциповъ Руссо, отецъ не позволялъ дѣтямъ употреблять сахару и духовъ; но доктора, въ видахъ питанія организма, присудили понтъ Васю желудковымъ кофеемъ съ молокомъ. Напитокъ этотъ для насъ, не знавшихъ сахару, казался чрезвычайно вкуснымъ, и Вася, еще плохо произносившій слова: Аѳанасій, братъ и кофей,—каждое утро подходилъ ко мнѣ и тянулъ къ своей кружкѣ, повторяя: „Ась батъ, фѳа“.

Почти ежедневно черезъ залу, гдѣ мы играли, въ кабинетъ къ отцу проходилъ съ бумагами его секретарь, Борисъ Антоновичъ Овсяниковъ. Часто послѣдній обращался ко мнѣ, обѣщая сдѣлать превосходную игрушку—бѣговыя санки, и впоследствии я не могъ видѣть Бориса Антоновича безъ того, чтобы не спросить: „скоро ли будутъ готовы санки?“ На это слѣдовали отвѣты, что вотъ только осталось выкрасить, а затѣмъ высушить, покрыть лакомъ, обить сукномъ и т. д. Явно, что санки существовали только на словахъ.

Какъ разъ по другую сторону улицы, противъ нашей квартиры, въ большомъ, сѣромъ деревянномъ домѣ помѣщались музыканты квартировавшей во Мценскѣ артиллерійской батареи. Въ настоящее время я полагаю, что бывавшій у насъ тогда въ гостяхъ генералъ съ золотыми эполетами былъ артиллерійскій бригадный начальникъ, Алексѣй Петровичъ Никитинъ, впоследствии инспекторъ резервной кавалеріи и графъ.

Въ то время, я помню, въ гости къ сестрѣ Анютѣ пріѣзжала съ гувернанткой дочь Никитина, Лиза, которая подарила Анютѣ прелестную восковую куклу, открывавшую и закрывавшую глаза. Кукла эта, стоя на подставкѣ, едва ли не была ростомъ больше самихъ дѣвочекъ. По временамъ, вечеромъ съѣзжались у насъ окрестные или зимующіе въ городѣ помѣщики, и пока въ залѣ, куда дѣтей не пускали, до полуночи играли въ карты, пріѣзжіе кучера и фореиторы разминались, стараясь согрѣться, на улицѣ или на просторномъ дворѣ передъ окошками. Увидавъ однажды, какъ они кулаками тузятъ другъ друга, я, не взирая на свою обычную сдержанность, разразился болѣзненнымъ крикомъ, дошедшимъ до слуха отца, который, бросивъ гостей и карты, прибѣжалъ узнать, что случилось. На бѣду я во время плача былъ подверженъ невольнымъ спазматическимъ всхлипываніямъ, которыя мѣшали твердому желанію перестать плакать.

Въ праздничные дни я съ особеннымъ любопытствомъ и удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ въ невысокую калитку противъ оконъ нашей дѣтской одинъ за другимъ, наклоня голову, чтобы не зацѣпить высокимъ качающимся султаномъ за притолку, выходили со своими инструментами пестрые музыканты. Слышать военную музыку было для меня верхомъ наслажденія.

Не помню обстоятельствъ смерти бѣднаго брата Васи. Впослѣдствіи отъ няни, Елизаветы Николаевны, я узналъ, что онъ погребенъ на Мценскомъ монастырскомъ кладбищѣ.

Слугъ по тому времени держали много; но выдающимся изъ нихъ былъ камердинеръ отца, Илья Аѳанасьевичъ, сопровождавшій его къ Пирмонтскимъ водамъ и въ Дармштадтъ, откуда вмѣстѣ съ ними черезъ Краковъ пріѣхала въ Новоселки мать моя. Впослѣдствіи не разъ она рассказывала о соляныхъ каменоломняхъ. Велички, гдѣ, кромѣ подземныхъ улицъ и жилищъ изъ каменной соли, высѣченъ храмъ, великолѣпно мерцающій при освѣщеніи.

Илья Аѳанасьевичъ, безусловно, подобно всѣмъ въ домѣ, боявшійся отца, постоянно сохранялъ къ намъ, дѣтямъ, какой-то внушительный и наставительный тонъ.

— Вамъ, батюшка баринъ, скоро надо учиться, schprechen

sie deutsch, пойдете въ полкъ да станете генераломъ, какъ Алексѣй Петровичъ, и стыдно будетъ безъ науки.

Это не мѣшало Ильѣ Аѳанасьевичу весною изъ сочной коры ветлы дѣлать для меня превосходныя дудки, что давало мнѣ возможность, конечно въ отсутствіе отца, бить въ подаренный крестнымъ отцомъ барабанъ, продолжая въ то же время дуть въ громогласную дудку.

Не могу сказать, при какихъ обстоятельствахъ мы перѣѣхали въ Новоселки, но хорошо помню, что сестра Аня заболѣла, и меня къ ней на антресоли въ дѣтскую не допускали. Тѣмъ не менѣе черезъ Елизавету Николаевну и горничныхъ я зналъ обо всемъ, что происходило наверху: какъ ежедневно пріѣзжалъ туда докторъ, какъ поставилъ за уши ребенку двѣнадцать пѣвковъ и положилъ на голову пузырь со льдомъ. Мать не отходила отъ кровати ребенка, и наконецъ положеніе больной стало дотого безнадежно, что на меня уже не обращали никакого вниманія, и я упросилъ Елизавету Николаевну дозволить мнѣ взглянуть на сестру. Та пустила меня наверхъ, запретивши говорить что либо. Помнится, кто то сказалъ: „умираетъ“. Не зная собственно что это такое, я неслышной стопой подошелъ къ кровати, на которой лежала Аня. Яркій румянецъ игралъ на ея дѣтскомъ лицѣ, и большіе, голубые глаза неподвижно смотрѣли въ потолокъ.

— Аня, сказалъ я, забывая запрещеніе.

Голубые глаза склонились ко мнѣ съ несомнѣнною улыбкою, но остальное лицо оставалось неподвижно. Это было послѣднимъ нашимъ свиданіемъ. Къ вечеру того же дня дѣвочка умерла, и мощный отецъ, хотя и ожидавшій этого конца, упалъ въ обморокъ.

Въ началѣ зимы того же года я снова помню себя во Мценскѣ; но не на прежней квартирѣ, а въ залѣ какого то купеческаго дома. Помню, что на этотъ разъ насъ съ матерью сопровождалъ не Илья Аѳанасьевичъ, а старый, еще дѣдовскій слуга Филиппъ Агаѳоновичъ, съ которымъ впоследствии мнѣ суждено было тѣснѣе сблизиться, такъ какъ онъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ моимъ дядькой. Помню, что около меня часто повторялись слова: „царскія

похороны“, но помню, что долго и впоследствии слово „похороны“ связывалось въ моемъ воображеніи съ чѣмъ то, начинающимся со звука *похъ*, вродѣ нѣмецкаго *rochen* — бухать,

Вечеромъ во Мценскѣ меня къ матери посадили въ за- скрипѣвшій по снѣгу возокъ, а затѣмъ Филиппъ Агаѣоновичъ, держа меня на плечѣ, тискался въ соборѣ сквозь густую толпу народа. Помню, какъ хромой, знакомый намъ, городничій крикнулъ Филиппу Агаѣоновичу: „вотъ ты старый человѣкъ, а дуракъ! ребенка въ такую тѣсноту несешь“. Помню, какъ тотъ же Филиппъ Агаѣоновичъ вынесъ меня обратно на паперть и сказалъ: „постойте, батюшка, минуточку; я только мамашу“...

Оставшись одинъ и увидавъ вокругъ собора у яркихъ костровъ грѣющихся на морозѣ солдатиковъ, причемъ составленные въ кѣзлы ружья красиво сверкали, я самъ захотѣлъ быть солдатомъ и прошелъ съ паперти къ нимъ.

— Ахъ отцы мои небесные! раздался надо мною голосъ Филиппа Агаѣоновича: пожалуйста въ возокъ, домой, домой!

На другое утро мамѣ сидѣла подъ окошкомъ и, глядя на проходящія толпы, утирала слезы платкомъ. Не помню послѣдовательности погребальной процессіи, но я уже зналъ, что въ скорости повезутъ тѣло государя Александра Павловича.

— А вотъ и папѣ, сказала матушка.

И дѣйствительно, отецъ шелъ въ своемъ мундирѣ, при саблѣ и съ красной уланской шапкой на головѣ. Затѣмъ послѣдовали сани съ устроеннымъ на нихъ катафалкомъ подъ балдахиномъ. Катафалкъ везли веревками многочисленные мценскіе обыватели; провели и траурнаго коня.

Помню себя снова въ Новоселкахъ и съ тѣхъ поръ воспоминанія мои проявляются до непрерывности.

Для большей наглядности домашней жизни, о которой придется говорить, позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о родномъ гнѣздѣ Новоселкахъ. Когда по смерти дѣда Неофита Петровича отцу по раздѣлу достались: лѣсное въ 7 верстахъ отъ Мценска Козюлькино, Новосильское пустынное Скворчее и неменѣе пустынный Ливенскій Тимъ,—отецъ выбралъ Козюлькино своимъ мѣстопробываніемъ и, расчистивъ значитель-